

ИСТОРИЯ ТАМБОВСКОЙ ЕПАРХИИ

О.Ю. Левин,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии

Из истории тамбовских монастырей XVI – XVII веков

Первое письменное упоминание о тамбовском монастыре относится к 1573 году, когда на берегу реки Цны недалеко от с. Ст. Чернеево Шацкого уезда (ныне это Рязанская область) черным попом Матфеем была построена новая Никольская церковь на месте старой, ветхой, которая долгое время стояла без службы на Мамышевой поляне. К 1583 году здесь кроме церкви существовали кельи на пять монахов, а вся территория пустыни была огорожена забором. Так появилась Чернеевская Никольская пустынь. Можно назвать это первым очагом монашеского делания на Тамбовщине.

К концу XVI века относится основание и Пурдышевской Рождества Богородицы мужской пустыни, которая находилась в Темниковском уезде недалеко от мордовской деревни Малые Пурдышки. Первое упоминание о ней относится к 1596 году, и тогда пустынь владела вотчиной и бортями. Основателем источники указывают старца Иринарха¹.

Вот, пожалуй, и все монастыри XVI века, о которых нам что-либо известно. Как видим, они были расположены на севере в тех местах, которые активно осваивались тогда русскими людьми. Цари поощряли их появление здесь и старались защитить от враждебных действий окружающих инородцев.

Прежде всего, государи заботились о том, чтобы закрепить материальное положение новообразованных монастырей, понимая, что это станет залогом их процветания и поспособствует влиянию на языческое население. Чернееву монастырю 27 марта 1586 года была выдана грамота от царя Федора Ивановича, дающая право владеть рыбными ловлями на реке Цне. А 20 января 1597 года были пожалованы земли, что пониже с. Томниково (нынешнее с. Старотомниково Моршанского района), вверх по Цне, с левой стороны, крестьяне, живущие здесь, отныне обязаны были

¹ ИТУАК. Тамбов, 1887. Вып. 3. С. 21.

«старца Матвея с братией слушать, пашню на них пахать и доходим монастырский платить». В первой половине XVII века пожалования не прекратились: в 1604 году была дана грамота на владение рыбными ловлями вниз по реке Цне, в 1613 году отданы во владения деревня, населенная татарами, и Чернеево, а также рыбные ловли на реках Цне, Челновой и Хопре, затем в 1614 году – Пилавская заводь. Кроме того, Чернееву монастырю удалось получить залежные земли в диком поле.

В XVII веке на севере епархии было основано еще несколько монастырей и появились первые женские монастыри. В небольшом городке Елатье было целых три монастыря: два девичьих – Спасский и Успенский, и мужской – Преображенский. В это же время основываются Сергиевская Проломская пустынь в Шацком уезде, Старокадомский Троицкий монастырь (первое упоминание 1652 г.), Вышенская Успенская пустынь (1620), в конце века – Саровская Успенская мужская пустынь и Санаксарский мужской монастырь.

В Шацком крае были обширные владения Романовых с центром в с. Польное Конобеево (ныне Шацкий район Рязанской области), непосредственно владела ими державная инокиня Марфа Ивановна (мать царя Михаила Федоровича), и это очень благоприятствовало развитию монашества в крае. Марфа Ивановна сама основала Конобеевский Казанский девичий монастырь и много жертвовала на другие монастыри. Можно так сказать, что север будущей Тамбовской епархии в XVI и первой половине XVII века активно осваивался монахами, чего не скажешь о юге. Возможно, это объясняется тем, что южная сторона была степной и часто подвергалась нападению кочевников, что не способствовало развитию здесь монашеской жизни.

Основание первого монастыря на юге относится к 1621 году – это Троицкая Яблонева пустынь недалеко от Лебедяни (ныне Липецкая область), основатель ее старец Савватий. Это первый монастырь в наших краях, где была построена каменная церковь (1665). Затем появились два монастыря в г. Добром (Вознесенский мужской и Тихвинский женский, основаны в 1694 г.), один в Липецке (Поройская мужская пустынь), один в Романове (Красногорская мужская пустынь), и два в Усмани (Преображенская мужская пустынь и Успенская женская). Это были обители небольшие, хотя

и более населенные, чем северные, но в отличие от них небогатые, некоторые даже не имели своих вотчин и жили лишь от приношений прихожан. Кроме того, все они располагались или в самих городах, или недалеко от них.

Первая треть и вторая половина XVII века стали временем, когда монахи начали продвигаться вниз по течению Цны, основывая монастыри на пустых землях в дремучих лесах правого берега реки. Проникали они и в традиционные для расселения славян районы вдоль реки Воронеж. Они были одними из первых, кто стал возвращаться в места, запустевшие после татарского нашествия. К первой половине XVII века относится основание Никольской Мамонтовой пустыни на берегу реки Цны. Основатель монастыря старец Мамонт, причем есть основание предполагать, что он выходец из Николо-Радовицкого монастыря, вотчина которого еще с конца XVI века располагалась в с. Малое Пичаево. Южнее Мамонтовой пустыни в 1615 году был основан Троицкий Цнинский монастырь. К 40-м годам XVII века вокруг Мамонтовой пустыни появились деревни Слободка, Глубокое, Новая Слободка, Отъясы, Сурки, которые были образованы крестьянами, поселившимися на монастырских землях и пришедшими из сел Носины, Сюпа, города Наровчата и др.²

Постройка крепостей Тамбов и Козлов дала начало еще одному типу монастырей в этой местности – городским. В Тамбове у стен крепости был основан старцем Иосифом Казанский монастырь (первое письменное упоминание 1677 г.), а в Козлове еще до построения самой крепости в 1627 году черный поп Иосиф основал Троицкий монастырь³.

С открытием епархии в 1682 году второй тамбовский епископ Питирим озаботился тем, чтобы открыть два монастыря: в самом Тамбове – Вознесенский женский (1690) и недалеко от города – Трегуляевский Иоанно-Предтеченский мужской монастырь (1688). Причем последний мыслился святителем именно как скит, где монахи будут озабочены, прежде всего, не тем, как добыть средства к существованию, а монашеским деланием.

² ИТУАК. Тамбов, 1890. Вып. 28. С. 115, 118.

³ Есть основание предполагать, что до основания крепости на месте Козлова находилось крупное поселение, во всяком случае, название «Козлов» скорее всего производное от глагола «козловать», т. е. временное поселение или иноземческое кочевье. Да и происхождение слова «казак» – от «козаковать».

Все монастыри XVI–XVII веков неизбежно становились центрами хозяйственной деятельности, и вопросы, связанные с приобретением и использованием главного богатства того времени – земли, становились зачастую во главу угла. И это стремление не было страстью к стяжательству, просто в то время хозяйственная самостоятельность была залогом духовного процветания.

Самым богатым монастырем к середине XVII века, безусловно, являлся Черниев Никольский монастырь. К началу 80-х годов XVII века обители принадлежало 600 крестьянских дворов (а в 1616 г. 29 дворов крестьянских и бобыльских, пашни 69 четвертей в поле). Обитель не раз приходила на помощь своими средствами правительству. Когда в 1636 году строилась крепость Тамбов, монастырь своими силами построил на реке Липовице острог, в г. Тамбове в Казачьей слободе – Знаменскую церковь (с 3 престолами), 2 большие башни, 2 раската, торг, баню, около города копали рвы. На Лысых Горах выкопали колодец. Нанимали по 25 человек в месяц, каждому давали по 4 рубля. Кроме того, в 1637 году с монастыря взято 30 руб., в 1638 году 35 мерин и 3 руб. В 1671 году на борьбу с разинцами Черниев монастырь собрал 980 руб. В правление епархией святителем Питиримом ему удалось добиться того, чтобы часть доходов монастыря шла на обеспечение епископской кафедры.

Разросшееся к концу XVII века монастырское хозяйство, которое включало в себя несколько сел, земли, леса, рыбные ловли и борти, бобровые гоны, привело к тому, что монастырское руководство не справлялось с возросшим количеством обязанностей по управлению. И монастырские крестьяне в конце века не раз жаловались властям именно на монастырское безначалие. То есть постоянное приобретение и обогащение в конечном итоге начинало обременять монастыри, мешать их внутреннему развитию.

Со второй половины XVII века в хозяйственной жизни тамбовских обителей стали играть большую роль крупные русские монастыри, такие как Звенигородский Саввино-Сторожевский, Московский Чудов, Кирилло-Белозерский. Мамонтова пустынь была приписана к Саввино-Сторожевскому монастырю в 1652 году. В целом присоединение некоторых наших монастырей к крупным московским монастырям сыграло положительную роль в их истории, став залогом благополучного существования обителей

в течение не одного десятка лет, а в некоторых случаях, как это было с Троицкой пустынью, приписанной после погрома разинцев к Московскому Чудову монастырю, спасло от окончательного разорения. Но не всегда присутствие крупных монастырей было благотворным, порой по поводу земли разгорались многолетние споры, иной раз перерастающие в своеобразные маленькие «войны». Не один десяток лет тянулась земельная тяжба между Кирилло-Белозерским монастырем и Вышенской пустынью. Часто эти споры разрешались мировой сделкой, а ко второй половине века не раз проводилось межевание как земель, так и участков, где располагались пчелиные борти. Монастыри стали теперь выступать и в качестве кредиторов, давая деньги или продукты под залог, например, пчелиных бортей, причем специально в договорах оговаривалось, что родственники должника могут выкупить борти за определенную, часто немалую сумму.

Хозяйственная деятельность монастырей порой затрагивала интересы различных людей, напрямую не связанных с ними, но ведущих ту же деятельность по обработке земли по соседству с монастырями. Возникали конфликты, иногда острые и почти неразрешимые, да и неудивительно, если учесть, что государи, давая очередной участок земли, не учитывали интересов крестьян или инородцев, живущих рядом или прямо на этих же землях. Чаще всего такие конфликты возникали как раз в тех местах, где большую часть жителей составляли инородцы. Пурдышевский игумен не раз жаловался государю на татар, которые «луги их распахивают и стада гоняют и хлеб травят и в липегах лубья снимают и пчелы дерут и гумна на их пашне ставят и знамена их тешут и вотчину их пустошат» и еще «темниковские де татаровя, князи и мурзы, и мордва, его с братиею обидят, в пашню и в сенокосные покосы вступаются насильем, и впредь де ему с братиею прожити от них невозможно». Иногда такие враждебные действия имели для татар свое оправдание, как это было в случае с Старокадомским Троицким мужским монастырем, где по челобитной иеромонаха Ионы и Григория Иванова царь Алексей Михайлович велел отдать новообразованной пустыне поле около д. Енгозино, бывшее ранее во владении татар. По этому поводу татарские мурзы жаловались, что у них несправедливо отобрали землю. А так как монастырские пашни по малочисленности братии обрабатывать было

некому, поэтому за монастырем выстроили избы и стали в них селить новокрещенных татар, но те жить в них не желали и часто убегали от своих новых хозяев.

В Черниевом монастыре в 1598 году татары «старца Матвея с братиею лают всякою непотребною лаею и служебников монастырских и крестьян бьют и похваляются всякими злыми делы и слугу монастырского Кананка Павлова хотят убить до смерти». Кстати, здесь указание на то, что в то время монастырским хозяйством управлял человек из мирян Кананка Павлов. От татар не отставала и мордва, которая чинила «всякую пакость монастырю. Крали скот, птицу, лошадей, разоряли пчелиные борти».

Впрочем, и русские крестьяне часто воспринимали монастырь, как конкурента в своих хозяйственных делах. В том же Старокадомском монастыре монахи в 1682 году жаловались государю, что кадомцы их «рыбные ловли облавают, лес рубят и чинят стеснения». Это единственный тамбовский монастырь, который в результате хозяйственного разорения пришел в конечном итоге в совершенное запустение.

Таких примеров можно привести еще не один десяток, но, конечно же, во многих этих случаях хозяйственного беспредела со стороны окружающего монастыри населения была не только экономическая подоплека. Ведь не случайно в конфликт вступали именно с инородцами, которые, оказываясь в сфере влияния монастырей, неизбежно становились объектами их миссионерской деятельности. Характерная черта во внешнем и внутреннем развитии наших обитателей XVI–XVII веков – это их ярко выраженная миссионерская направленность. Можно даже предположить, что некоторые монахи-основатели и селились среди мордвы и татар, движимые жаждой апостольского подвига. И, надо сказать, не без успеха. Тот же Матфей Чернеевский в своей челобитной на имя царя писал: «Иная де мордва на лебезу мою сдается и кстится хочет». Нам известно, что сам старец крестил около 20 мордовских семей. При Пурдышевском монастыре образовалось две деревни крещеной мордвы: Малое Пурдышево и Тотушево, при Старокадомском монастыре селились новокрещенные татары. Можно также предположить, что с появлением Троицкого Цнинского монастыря образовалась деревня новокрещеной мордвы, а те, кто не пожелал принять крещения, выселился

и образовал д. Поганку (нынешнее с. Малиновка Тамбовского района). То есть миссионерская деятельность монахов в целом была успешна и приносила свои плоды. Новокрещенные инородцы, изгоняемые из своих языческих общин, селились около стен монастырей, прибегая к помощи обитателей, а тот, кто не желал принимать крещение, видел в монахах своих естественных и главных врагов. То, что обитатели были люто ненавидимы упорными язычниками за проповедь Слова Божия, свидетельствует и мордовское предание, записанное в 1915 году священником с. Кермись Шацкого уезда отцом Павлом Курганским. Это предание повествует о том, что шайки молодых мордвинов часто грабили монахов Черниева монастыря, отбирая у них хлеб, мед, скот в ответ на их миссионерскую деятельность. Они же придумали и презрительное название для монахов «чернохъне», переводилось оно как «бздуны». Видно, язычники ничего не могли противопоставить мирной просветительской работе иноков, кроме насилия и ругательств.

Апогеем миссионерской работы в этих краях стала деятельность архиепископа Рязанского Мисаила, который как раз и опирался в своей работе на монахов Шацкого края. Конфликт, как говорится, зрел. Положение еще усугублялось тем, что после враждебных акций инородцев игумены монастырей жаловались на них царю, а тот в свою очередь слал указы шацким воеводам взять под свою защиту обитатели. Он и брал, посылая разбираться с непокорными стрельцов и казаков. В результате обозленная мордва 8 апреля 1656 года около с. Ямбирно (Шацкий район Рязанской области) смертельно ранила архиепископа Мисаила, который с крестом в руках проповедовал им Христа⁴.

О внутренней жизни монастырей того времени нам известно чрезвычайно мало. Не сохранилось сведений о том, по каким уставам они жили, а те сведения, которые есть, относятся к более позднему времени. Но некоторые данные все-таки есть. По своему типу все монастыри этого времени принадлежали к особножительным. Можно даже утверждать, что ни в одном из них не было общежительного устава, да и вообще сложно сказать, применялся ли в жизни какой-либо устав. Скорее исполнялись самые общие правила монашеского жительства, тем более что монастыри чаще

⁴ ТЕВ. 1915. № 29. С. 746.

всего становились своеобразными духовно-административными центрами небольших округов.

Каждый, вновь поступивший в монастырь, обязан был внести определенный вклад, об этом мы имеем достаточно много документальных свидетельств. Богатые строили на свои средства себе келью (так и писали «келия старца такого-то»), те, кто не мог себе этого позволить, селились у тех, кто келии эти имел. Причем особо оговаривался статус так называемого вкладчика, т.е. человека, который уже передал монастырю определенное имущество на условиях: «За тот вклад в монастыре постричь, а будет я не похочу, и мне жить в мире, поить и кормить меня монастырем и покои давать, якоже и прочей братии, и после моего живота меня устроить в литейной и пустенной синодике и поминать вечно». Фактически монастырская братия приобретала в некотором роде статус служилых людей, так как выполняла государственные задачи. Та же Мамонтова пустынь выглядела как укрепленное поселение (рядом с пустыней находился острожек), окруженное крестьянским и служилым населением, с развитой инфраструктурой и строго определенными обязанностями внутри монастыря. Во главе стоял игумен или строитель, далее шел келарь и казначей, потом старцы (монахи) и рядовые старцы. Выделялись еще бельцы, попы (т.е. те, кто жил на монастырской земле и служил в приходской церкви), черные попы, а также упоминаются духовные отцы для мирян («отец»). Кроме того, существовали еще и дьячки, которые помимо службы в церкви выполняли функции делопроизводителей. О том, какую роль играли одни (например, казначей, келарь), мы знаем, а какое принципиальное различие, скажем, между бельцом, попом, духовным отцом и черным попом, об этом можно только догадываться. Бельцами называли тех самых вкладчиков, которые жили на равных правах с прочей братией, но не постригались и не имели священнического сана (в документах Троицкого Цнинского монастыря упоминается вкладчик белец Ганка Иванов). В то время существовали в монастыре и трудники, которые в отличие от вкладчиков бельцов ничего не дарили монастырю, а жили в нем на правах послушников-рабочих. Духовным отцом одновременно мог быть как черный поп, так и просто приходской поп, причем это было не просто выполнение чисто духовнических функций, но и ряда

юридических обязанностей, скажем, духовный отец выступал в качестве доверенного лица при составлении дарственных и завещательных грамот со стороны вкладчика.

Взгляд населения на монашеское делание в то время был своеобразен. Вкладчики не спешили принимать постриг, да часто и вообще не жили в монастыре, но выговаривали для себя условие: «Буде похотим постричься и нас постричь». Служилые люди, находясь в постоянной военной опасности, понимали, как необходима им молитвенная поддержка, и, внося в монастырское хозяйство вклад, обязывали монахов молиться за вкладчика или его родственников. В этом было четкое осознание того, для чего монастырь нужен в мире – монахи предстоят пред Богом, молясь за тех людей, которые несут службу государеву. Оттенок меркантилизма постоянно присутствовал в отношениях монастырей с внешним миром: в этот период времени редко кто просто что-то дарил обители, скорее, все дарования носили характер платы за услугу.

Внутренняя обстановка в большинстве монастырей соответствовала их экономическим возможностям. Чаще всего в обители располагались две деревянные церкви, которые старались поддерживать в надлежащем порядке. Крыты они были тесом и были небольшими. Можно предположить, что одна из церквей, или хотя бы предел, отапливались и в них служили зимой. В той же Мамонтовой пустыни к церкви святителя Николая была пристроена как самостоятельная церковь святого Алексия человека Божия⁵.

Иконы в церквях помещались в серебряные ризы, которые были дарами благодетелей. В Троицком Цнинском монастыре все иконы были в серебряных ризах, в Мамонтовой пустыни только с серебряными венцами, а некоторые с золотыми, но зато имелась икона чтимой Богородицы, на которой были так называемые приклады (серьга, серебряные кресты и т.д.), то есть дары прихожан получивших помощь от Божией Матери, остальные иконы опрaвлены в обычную басму.

Богослужебные предметы чаще всего были оловянными, а вот священнических риз не доставало. В описаниях мы встречаем упоминание о том, что они ветхи или их вообще не полный комплект. Особым попечением как настоятелей, так и зажиточных людей были колокола. Их специально отливали для того или иного

⁵ Мамонтова пустынь: док., собран. П.И. Пискаревым. Тамбов, 1887. С. 5.

монастыря и дарили, а в описаниях обязательно указывалось, кем именно подарен тот или иной колокол.

Богослужebные книги в крупных монастырях того времени (Черниев, Мамонтово, Троицкий и др.) обязательно имелись в полном составе. А в Мамонтовой пустыни было много книг старой печати духовно-нравственного содержания: Прологи, жития, поучения, что говорит о достаточно высоком уровне грамотности среди монахов пустыни.

Монастыри были тем местом, где велись поминания многих и многих представителей разных родов окрестного населения, так или иначе зависимых от монастырей или же совсем не связанных с ними. Сохранилось несколько монастырских Синодиков, которые были описаны еще в XIX веке. В них длинные списки имен людей, исправно поминавшихся на панихидах, на проскомидиях, на литиях и на литургиях, а также келейно. Велись они братией и на протяжении многих десятилетий предавались от одного поколения монахов к другому. Как уже было сказано, предстательство перед Богом за живых и умерших являлось важной составляющей монастырской жизни.

В документах Пурдышевской пустыни под 1597 годом мы находим первое упоминание о крестных ходах не только в монастырях, но и вообще в епархии. В одной из челобитных сказано, что монахи «ходят около монастыря со кресты по воскресеньям и по владычним праздникам и на ердан».

В жизни большей части тамбовских монастырей во второй половине XVII века стали играть большую роль донские казаки. Они были вкладчиками, часто постригались сами, но еще чаще селились в монастыре или на его землях в старости, возлагая заботу об их пропитании на ту или иную обитель. Участие казачества особенно заметно в жизни таких монастырей, как Мамонтова пустынь, Троицкий Цнинский и Черниев Никольский. Особенно пагубно это участие было для Черниева монастыря. Влияние это со временем переросло в полную зависимость от Дона. Черниев монастырь с незапамятных времен пользовался большим уважением среди донских казаков. Те считали его «своим» и утверждали, что сам основатель пустыни Матвей был казаком. Они много жертвовали в обитель, часто ходатайствовали о ней перед царем и добились того, что монастырь освободили

от всяких повинностей. Монастырские крестьяне, видя зависимость монастырского начальства от казаков и недовольные строгостью и требовательностью тогдашнего игумена Филарета, решили пожаловаться и послали депутацию на Дон. Это дало повод для прямого вмешательства в дела монастыря. В обители было открыто как бы казачье представительство, которое фактически и управляло всем. Хозяйство монастыря начало расхищаться: крестьянам отдали 66 десятин монастырской земли, в 1685 году было взято из монастырской казны 30 рублей, а из запасов 110 ведер вина, крупа, просо, мука, 30 пудов ниток и все это на 28 подводах свезено в Козлов. Казаки посеяли смуту и внутри монастырской братии. Представитель казаков Пахом Сергеев поддержал черного попа Иону, который был недоволен игуменом и сам метил на его место. По наущению Сергеева он составил клеветническую челобитную на настоятеля с требованием сменить его. Казаки силой и угрозами заставили монахов подписать грамоту. Начались раздоры, которые утихли лишь после того, как Иона, испугавшись следствия, из монастыря убежал. Наглость «вольных людей» дошла до того, что в одной из монастырских келий поселилось несколько казаков. Они начали пьянствовать, бесчинствовали, избивали несколько монахов. После этого происшествия была прислана следственная комиссия во главе со стольником Иваном Поливановым. В ходе следствия (которое происходило не без угрозы для жизни следователя – было избито несколько драгун, сопровождавших Поливанова) собрано много материала, уличающих казаков в беззаконии и произволе. Но дело это еще долго бы длилось, если бы в него не вмешался святитель Питирим Тамбовский, который ходатайствовал перед Государем о приписке монастыря к архиерейскому дому, что и было исполнено.

В XVI–XVII веках в Тамбовских пределах монастыри участвовали в колонизации новых земель. Не менее важная миссия, лежавшая на монашествующих того времени, заключалась в том, что они выступали христианскими просветителями этого дикого края, а сами монастыри становились духовными центрами обширных районов.